

— Ах, так вы знаете, что мы не знакомы? — Хэ Ян прищурился, и на его губах заиграла холодная, ядовитая усмешка. — Тогда, может, объясните, с чего это вы так красочно, во всех подробностях расписывали журналистам грязные сплетни обо мне и Лу Тинфэне?

— Хм! — Лу Хуадун презрительно фыркнул и смерил его взглядом, полным брезгливого превосходства. — Да ты хоть знаешь, что твой мужёк из себя представляет? Он переиграл со столькими звёздами, что тебе и не снилось! И если бы не твоё умение рожать детей, разве такая «радость», как ты, — ни мужик, ни баба, — смогла бы влезть в богатую семью?

«Хрясь!» Звонкая, хлёсткая пощёчина обрушилась на щёку Лу Хуадуну, и звук этот эхом разнёсся в холодном, влажном воздухе, а голова его мотнулась в сторону, и на коже мгновенно вспыхнул алый, горящий след.

— Господин Лу, — голос Хэ Яна прозвучал тихо, но в нём звенела такая сталь, что у любого пробежали бы мурашки по спине, — следите за своим языком. Если я, по-вашему, ни мужик ни баба, то кто же тогда вы? Я слышал, как вас однажды прилюдно унизили, заставили ползать на коленях и вымаливать прощение. И вы, дрожа от страха, это сделали. Так кто же из нас двоих больше похож на человека?

— Ах ты, сука! Да как ты посмел меня ударить?!

Взбешённый, ослеплённый яростью и унижением Лу Хуадун сжал кулак и, не помня себя, замахнулся, целясь прямо в лицо Хэ Яна. Но в ту же секунду стоявший рядом охранник легко, словно пушинку, перехватил его руку, сжал железной хваткой и одним небрежным движением отшвырнул в сторону. Лу Хуадун, не удержавшись на ногах, с глухим стуком рухнул на холодный, грязный асфальт, больно ударившись локтем, и тут же, взыв от боли и унижения, попытался подняться, но поскользнулся на мокром после недавнего дождя покрытии и снова рухнул, вызвав у охраны сдавленные смешки.

— Пощёчина — это ещё цветочки, — Хэ Ян шагнул вперёд и посмотрел на него сверху вниз, и в его взгляде не было ни страха, ни сомнения, только ледяное, уничтожающее презрение. — Запомните раз и навсегда, Лу Хуадун. Я не ношу фамилию Лу, и мне плевать, что там ваша прабабка обещала перед смертью и какие привилегии вам дала. Но если вы сейчас посмеете меня разозлить, посмеете обидеть, посмеете создать проблемы моему мужу — у меня найдется уйма времени, чтобы с вами поиграть. И я с удовольствием посмотрю, кто окажется сильнее: вы, никому не нужный, отвергнутый родственничек, или я, любимый и обласканный супруг, вошедший в эту семью.

— Тьфу! — Лу Хуадун сплюнул на асфальт и, сверкая глазами, полными бессильной ненависти, прохрипел: — Да кто ты такой?! Только попробуй меня тронуть! Не забывай, почему твой муж до сих пор не посмел и пальцем меня коснуться!

Лу Тинфэн мог лишить Лу Хуадуну власти, вышвырнуть его из компании, оставить ни с чем, но он никогда не позволял себе поднять на него руку, потому что он всё же, по зову крови, всегда вставал на защиту их семьи.

Кровь — не вода, и все они, в конце концов, носили фамилию Лу, а главным принципом клана всегда был мир и согласие, но Хэ Ян не был связан этими условностями. Ему не нужно было оглядываться на чьё-то мнение, не нужно было заискивать и бояться. Любого, кто осмеливался тронуть тех, кого он любил, ждала жестокая, неотвратимая расплата.

— Можете хоть сейчас бежать жаловаться старшему дяде, — Хэ Ян лениво, почти скучающе пожал плечами. — А я с превеликим удовольствием посмотрю, на чью сторону он встанет: на вашу или на мою.

Он выдержал короткую паузу и, глядя прямо в глаза Лу Хуадуну, отчеканил ледяным, не терпящим возражений тоном:

— Даю вам пять минут, чтобы убраться отсюда вместе со своим сбродом. Если через пять минут вы всё ещё будете здесь, уверяю вас, уползать придется на четвереньках.

За спиной Хэ Яна, словно несокрушимая стена, высились шестеро охранников — огромные, плечистые, с каменными, непроницаемыми лицами. Их суровые, полные угрозы взгляды были устремлены на жалкую кучку негодяев, и казалось, ещё секунда — и они, не дожидаясь приказа, сотрут их в порошок.

Хэ Ян, даже не удостоив Лу Хуадуну прощальным взглядом, развернулся и, прижимая к груди Сюаньсюаня, вошёл в сверкающий холл небоскрёба. Огромные стеклянные двери с тихим, мелодичным звоном разъехались перед ним, впуская в царство прохлады, дорогого парфюма и полироли, а мягкий, рассеянный свет, льющийся откуда-то сверху, делал его фигуру почти невесомой, парящей. Малыш, утомлённый шумом и чужими лицами, притих и уткнулся носом в его плечо.

Он вызвал лифт, двери мягко, с тихим шипением сомкнулись за его спиной, и кабина бесшумно устремилась вверх, на самый верхний этаж, туда, где находился кабинет Лу Тинфэна. Лу Тинфэн всё ещё был на совещании и не знал, что Хэ Ян приедет сегодня, поэтому заседание затянулось дольше обычного, а в просторном, светлом зале пахло дорогим кофе и бумагой, и слышался приглушённый гул голосов.

В это время фотографии Хэ Яна с ребёнком на руках, входящего в здание корпорации, уже молниеносно разлетелись по всем внутренним чатам сотрудников. А его недавний героический поступок, свидетелями которого стали десятки людей, обрастал всё новыми, яркими, порой преувеличенными подробностями, и каждый, кто читал эти сообщения, невольно менял своё мнение о «хозяйке».

«А он, оказывается, не так прост — с характером хозяин, настоящий тигр, и, кажется, с ним лучше не ссориться».

Сюаньсюань сидел в огромном, пахнущем дорогой кожей кресле своего папули, скучающе листая какие-то бумаги и разглядывая блестящие безделушки на столе, но ему быстро наскучило это занятие, и он, сползая с кресла, тихо, как мышонок, выскользнул за дверь,

оставив после себя лишь едва уловимый запах детской присыпки и молока.

Хэ Ян как раз стоял к нему спиной, насыпая в бутылочку молочную смесь, и не услышал ни его просьбы, ни его шагов.

Сотрудники, работавшие в огромном, залитом светом опенспейсе, вдруг увидели настоящее чудо: посреди офиса, озираясь по сторонам огромными, любопытными глазищами, стоял маленький мальчик в дорогом, сшитом на заказ костюмчике, и его кожа была такой белой и нежной, что, казалось, светилась изнутри, длинные, пушистые ресницы трепетали, а на пухлых щёчках играл лёгкий, едва заметный румянец. Это был самый настоящий молочный, пушистый бутуз, сошедший с рекламного плаката, и при виде него у всех, даже у самых суровых менеджеров, глаза засияли умилением, словно подёрнулись мягкой, тёплой дымкой.

Мимо как раз проходила женщина-бухгалтер, и при виде этого крошечного создания в ней мгновенно проснулся материнский инстинкт. Она присела на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне, и, улыбаясь самой тёплой, ласковой улыбкой, спросила, а её голос, мягкий и обволакивающий, прозвучал так нежно, что Сюаньсюань тут же перестал озиаться по сторонам и доверчиво уставился на неё:

— Привет, малыш. Как тебя зовут?

— Лу Хаосюань, — ответил он звонким, чистым голосом, и его пухлые губки растянулись в очаровательной улыбке, от которой на щёчках проступили крошечные ямочки.

— А ты чей ребёночек? — она легонько, едва касаясь, поправила выбившуюся прядку его волос, и от её пальцев пахло чем-то цветочным, приятным.

Все, конечно, и так знали, что это сын самого большого босса, но удержаться и не подразнить эту прелесть было просто невозможно. Сотрудники, побросав свои дела, с умилением наблюдали за этой сценой, обмениваясь многозначительными взглядами и тёплыми улыбками.

— Я... я сын своего папы и папули, — Сюаньсюань на мгновение задумался, смешно нахмутив бровки и приложив пухлый пальчик к подбородку, а потом выдал этот гениальный ответ с таким серьёзным видом, будто только что разгадал сложнейшую загадку вселенной.

— Пф-ф-ф, — бухгалтерша прыснула со смеху, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться в голос, и её плечи затряслись, а в глазах заблестели слёзы умиления.

— А ты хочешь к папуле, Сюаньсюань?

Малыш усердно закивал, и его мягкие, шёлковые волосы смешно запрыгали на голове, а глазёнки загорелись нетерпеливым огоньком.

— Но папуля сейчас на совещании, — она легонько, успокаивая, погладила его по пухлой щёчке, и кожа под её пальцами была нежной, как шёлк. — Давай я потом, чуть позже, отведу тебя к нему, хорошо? А пока пойдём, я угощу тебя самым вкусным печеньем.

Сюаньсюань снова кивнул, соглашаясь.

«Какой же послушный, воспитанный ребёнок, просто золото, а не мальчик», — подумала она, глядя, как Сюаньсюань послушно кивает и доверчиво сжимает её ладонь.

Не прошло и получаса, как Сюаньсюань уже перезнакомился со всеми «старшими братьями» и «старшими сёстрами» в офисе. Ему наперебой совали сладости: конфеты в блестящих, хрустящих фантиках, рассыпчатое печенье, тающее на языке, и шоколадки, от которых на пальцах оставались тёмные, липкие следы. Малыш с удовольствием уплетал угощения за обе щёки, а сотрудники, окружив его плотным кольцом, без устали щёлкали затворами камер, делая снимки на память.

В этот момент Сюаньсюань чувствовал себя самой настоящей пандой в зоопарке — всеобщим любимцем, которого разглядывают, фотографируют и задаривают вкусностями.

Хэ Ян, заметив в дверном проёме эту идиллическую картину, лишь улыбнулся и, ничего не сказав, не стал мешать. Он опустился на мягкий кожаный диван, который тихо, приветливо скрипнул под его весом, взял в руки прохладный, гладкий планшет и, откинувшись на спинку, принялся лениво листать короткие видео. В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь приглушённым шумом из коридора да едва слышным жужжанием кондиционера, гонявшего по кабинету прохладный, чуть пахнущий пластиком воздух.

Но вскоре Сюаньсюань наелся до отвала и снова заскучал по папуле, и бухгалтерша, чьё сердце просто таяло от одного взгляда на этого очаровательного карапуза, не смогла ему отказать: взяла его за маленькую, тёплую ладошку и повела по длинному, залитому мягким, золотистым светом коридору в сторону конференц-зала. Их шаги — её, торопливые, на высоких каблуках, и его, маленькие, семенящие, — гулким эхом отдавались от стен, а где-то вдалеке слышался приглушённый звон телефонов и стрекот клавиатур.

План был такой: усадить Сюаньсюаня в уютной, тихой комнате отдыха рядом с залом, налить ему соку и дожидаться, пока папуля закончит совещание. Но этот маленький, шустрый проказник и не думал сидеть смирно.

Он вырвал свою ладошку, вскочил и со всех ног бросился прямо к дверям конференц-зала, и бухгалтерша, ахнув, попыталась его остановить, но было уже поздно. Сюаньсюань всем своим маленьким тельцем толкнул тяжёлую стеклянную дверь, и та с тихим, протяжным скрипом отворилась, впуская его внутрь, а вместе с ним в зал ворвался яркий, слепящий свет из коридора и едва уловимый запах детской присыпки и молока.

Все, кто находился в зале, — а это были сплошь серьёзные, важные люди в дорогих костюмах, — замерли и уставились на это крошечное, незваное чудо, и совещание, которое ещё секунду

назад шло своим чередом, мгновенно прервалось, а в зале повисла оглушительная, звенящая тишина, нарушаемая лишь тихим, деловитым гудением проектора да чьим-то сдавленным, изумлённым вздохом.

«Малыш мой», — пронеслось в голове Лу Тинфэна, и он вскочил с кресла, подхватил Сюаньсюаня на руки, усадил к себе на колени и, нежно, с обожанием пощекотав кончик его крошечного носика, спросил:

— А ты как здесь оказался, маленький проказник? А где папа?

— Папа в комнате, — ответил Сюаньсюань, обхватывая его шею пухлыми ручонками.

Уголки губ Лу Тинфэна поползли вверх, и он, просияв, поднял глаза на притихших, ошарашенных сотрудников и, даже не пытаясь скрыть своей гордости, громогласно объявил:

— Это мой сын. Всё в порядке, продолжаем. Вы остановились на третьем пункте.

<http://bllate.org/book/16098/1613031>